

И.В.БУНИНЪ

РѢЧНОЕ
ТРАКТИРЪ

1945

Складъ Изданія:

M. Z E T L I N

112 W. 72nd Street, New York 23, N. Y.

ИВ. БУНИНЪ

РЪЧНОЙ ТРАКТИРЪ

НЬЮ-ІОРКЪ

1945

Printed by
GRENICH PRINTING CORP.
151 West 25th Street, New York.

РЪЧНОЙ ТРАКТИРЪ

В

«Прагъ» сверкали люстры, игралъ среди обѣденнаго шума и говора струнный португальскій оркестръ, не было ни одного свободнаго мѣста. Я постоялъ, оглядываясь, и уже хотѣлъ уходить, какъ увидѣлъ знакомаго военнаго доктора, который тотчасъ пригласилъ меня къ своему столику въ нишѣ возлѣ окна, открытаго на весеннюю теплую ночь, на гремящій трамваями Арбатъ. Пообѣдали вишетъ, порядочно выпивъ водки и кахетинскаго, разговаривая о недавно созванной Государственной Думѣ, спросили кофе. Докторъ вынулъ старый серебряный портсигаръ, предложилъ мнѣ свою асмоловскую «пушку» и, закуривая, сказал :

— Да, все Дума да Дума... Не выпить ли намъ коньяку? Грустно что-то.

Я принялъ это въ шутку, человѣкъ онъ былъ характера спокойнаго и суховатаго (дрѣшкій и сильный сложеніемъ, къ которому очень шла военная форма, жестко-рыжій, с серебромъ на вискахъ), но онъ серьезно добавилъ :

— Отъ весны, должно быть, грустно. Къ старости да еще холодной становишься вообще гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ молодости. Слышите, какъ пахнетъ топодемъ, какъ звонко греметь

трамвай? Кстати, закроем-ка окно, неудобно, — сказал он, вставая. — Иван Степаныч, Шустовского...

Пока старый половой Иван Степаныч ходил за шустовским, он разсыпно молчал. Когда подали и налили по рюмке, держал бутылку на столе и продолжал, хлебнув коньяку и из горячей чашечки:

— Тут еще вот что — некоторые воспоминания. Перед вами заходил сюда поэт Брюсов с какой-то худенькой, маленькой дэвицей, похожей на бэдную курсисточку, что-то четко, резко выкрикивал своим картавым, в нос лэющим голосом метростелю, подбэжавшему к нему, видимо, с извинениями за отсутствие свободных мбств, — мбсто, должно быть, было заказано по телефону, но не оставлено, — потом надменно удалился. Вы его хорошо знаете, но и я с ним немного знаком, встречаюсь в кружках, интересующихся старыми русскими иконами, — я ими тоже интересуюсь и уже давно, с волжских городов, гдб служил когда-то нбсколько лбтб. Кроме того и слышал о нем достаточно, о его романах между прочим, так что и вы и я испытали, думаю, одинаковы чувства к этой, несомнбнно, очередной его поклонницб и жертвб. Трогательна, но и жалка была она ужасно, растеряннo и восторженно глядбла то на этого, вбрно, совбзм непривычнбй ей ресторанный блеск, то на него, пока он скандировал свой лай, демонически играя черными глазами и рбсницами. Вот это-то и навело меня на воспоминания. Расскажу вам одно из них, вызванное именно им, благо оркестр уходит и можно посидбть спокойно...

Он уже покраснбл от водки, от кахетинского, от коньяку, как всегда краснбют рыжие от вина, но налил еще по рюмке.

— Я вспомнил, — начал он, — как лбтб двадцать тому назад шел однажды по улицам одного приволжского города нбкий довольно молодой военный врач, то есть, попросту говоря, я самый. Шел по пустыкам, чтобы бросить какое-то письмо в почтовый ящик, с тбм беззаботным благополучием в

душѣ, что иногда испытываетъ человекѣ безъ всякой причины въ хорошую погоду. А тутъ какъ разъ погода была прекрасная, тихій, сухой солнечный вечеръ начала сентября, когда на тротуарахъ такъ пріятно шуршать подѣ ногами опавшія листья. И вотъ, что-то думая, случайно поднимаю я глаза и вижу: идетъ впереди меня скорымъ шагомъ и какъ будто озабоченно очень подтянутая дѣвушка въ сѣромъ костюмѣ, въ сѣренькой красиво изогнутой шляпкѣ, съ сѣрымъ зонтикомъ въ рукѣ, обтянутой оливковой лайковой перчаткой. Вижу и чувствую, что что-то мнѣ въ ней ужасно нравится, а кромѣ того кажется нѣсколько страннымъ: почему и куда такъ спѣшить? Удивляться, казалось бы, нечему — мало ли бываетъ у людей спѣшныхъ дѣлъ. Но все-таки это почему-то интригуетъ меня. Безсознательно прибавляю шагъ и себѣ, почти нагоняю ее — и, оказывается, не напрасно. Впереди, на углу, старая низкая церковь, и я вижу, что она направляется прямо къ ней, хотя день будничный и такой часъ, когда никакой службы по церквамъ еще нѣтъ. Тамъ она вбѣгаетъ на паперть, съ трудомъ отворяетъ тяжелую дверь, а я опять за ней и, войдя, останавливаюсь у порога. Въ церкви пусто, и она, не видя меня, скорымъ и легкимъ шагомъ, ровно и стройно, идетъ къ амвону, крестится и гибко опускается на колѣни, закидываетъ голову, прижимаетъ руки къ груди, уронивъ зонтикъ на полъ, и смотритъ на алтарь тѣмъ, какъ видно по всему, настойчиво молящимъ взглядомъ, какимъ люди просятъ Божьей помощи въ большомъ горѣ или въ горячемъ желаніи чего-нибудь. Въ узкое съ желѣзной рѣшеткой окно слѣва отъ меня свѣтитъ желтоватый вечерній свѣтъ, спокойный и будто тоже старинный, задумчивый, а впереди, въ сводчатой и приземистой глубинѣ церкви, уже сумрачно, только мерцаетъ золото кованныхъ съ чудесной древней грубостью ризъ на образахъ алтарной стѣны, и она, на колѣняхъ, не сводитъ съ нихъ глазъ. Тонкая талія, лира заду, каблучки уткнувшейся носками въ полъ легкой обуви... Потомъ нѣсколько разъ прижимаетъ платочекъ къ глазамъ, быстро беретъ съ полу зонтикъ, точно рѣшившись на что-то, гибко встаетъ, бѣжитъ къ выходу, внезапно видя мое лицо — и меня просто поражаетъ своей красотой ужаснѣйшій

исцугъ, вдругъ мелькнувшій въ ея блестящихъ слезами глазахъ...

Въ сосѣдней залѣ потухла люстра, — ресторанъ уже опустѣлъ, — и докторъ взглянулъ на часы.

— Нѣтъ, еще не поздно, — сказалъ онъ. — Всего десять. Вы никуда не спѣшите? Ну такъ посидимъ еще немного, я доскажу вамъ эту довольно странную исторію. Странно было въ ней прежде всего то, что въ тотъ вечеръ, то есть, вѣрнѣе, поздно вечеромъ, я опять встрѣтилъ ее. Мнѣ вдругъ вздумалось поѣхать в лѣтній трактиръ на Волгѣ, гдѣ я былъ всего два, три раза за все лѣто, да и то только за тѣмъ, чтобы посидѣть на рѣчномъ воздухѣ послѣ жаркаго дня въ городѣ. Почему я поѣхалъ именно въ этотъ уже свѣжій вечеръ, Богъ вѣдаетъ: словно руководило мною что-то. Можно, конечно, сказать, что вышла простая случайность: поѣхалъ человекъ отъ нечего дѣлать, и нѣтъ ничего удивительнаго въ новой случайной встрѣчѣ. Разумѣется, все это вполне справедливо. Но почему же вышло и другое, то есть то, что я встрѣтилъ ее чортъ знаетъ гдѣ и что вдругъ оправдались какія-то смутныя догадки и предчувствія, испытанныя мною, когда я въ первый разъ увидалъ ее и ту сосредоточенность, какую-то тайную тревожную дѣлу, съ которой она шла въ церковь и тамъ такъ напряженно и молча, то есть чѣмъ-то самымъ главнымъ, самымъ подлиннымъ, что есть въ насъ, молила о чемъ-то Бога? Приѣхавъ и совсѣмъ забывъ о ней, я долго и скучно сидѣлъ одинъ въ рѣчномъ кабацѣ, очень дорогомъ, кстати сказать, извѣстномъ своими купеческими ночными кутежами, нерѣдко тысячными, и безъ всякаго вкуса глоталъ отъ времени до времени жигулевское пиво, вспоминая Рейнъ и швейцарскія озера, на которыхъ былъ лѣтомъ въ прошломъ году, и думая о томъ, какъ вульгарны всѣ провинціальныя русскія мѣста загородныхъ развлеченій, въ частности и приволжскія... Вы бывали въ приволжскихъ городахъ и въ подобныхъ трактирахъ на водѣ, на сваяхъ?

Я отвѣтилъ, что Волгу знаю мало, на поплавахъ тамъ не бывалъ, но легко представляю себѣ ихъ.

— Ну, конечно, — сказалъ онъ. — Русская провинція вездѣ довольно одинакова. Одно только тамъ ни на что не похоже —

сама Волга. Съ ранней весны и до зимы она всегда и всюду необыкновенна, во всякую погоду и что днем, что ночью. Ночью сидишь, напримеръ, въ такомъ трактирѣ, смотришь въ окна, изъ которыхъ состоятъ три его стѣны, а когда въ лѣтнюю ночь они всё открыты на воздухъ, смотришь прямо въ темноту, въ черноту ночи, и какъ-то особенно чувствуешь все это дикое величiе водныхъ пространствъ за ними: видишь тысячи разсыпанныхъ разноцвѣтныхъ огней, слышишь плескъ идущихъ мимо плотовъ, переключку мужицкихъ голосовъ на нихъ или на баржахъ, на бѣлянахъ, предостерегающiе другъ друга крики, разнозвонную музыку то гулкихъ, то низкихъ пароходныхъ гудковъ и сливающiяся съ ними терции какихъ-нибудь шибко бѣгущихъ рѣчныхъ паровичковъ, вспоминаешь всё эти разбойничьи и татарскiя слова — Балахна, Василь-Сурскъ, Жигули, Ватраки, Хвалынскъ — и страшныя орды грузчиковъ на ихъ пристаняхъ, потомъ всю несравненную красоту старыхъ волжскихъ церквей — и только головой качаешь: до чего в самомъ дѣлѣ ни съ чѣмъ не сравнима эта самая наша Русь! А смотришь вокругъ — что это собственно такое, этотъ трактиръ? Свайная постройка, бревенчатый сарай съ окнами въ топорныхъ рамахъ, уставленный столами подъ нечистыми скатертями и тлѣлыми дешевыми приборами, гдѣ въ солонкахъ соль перемѣшана съ перцемъ и салфетки нахнуты сѣрымъ мыломъ, дощатый помостъ, то есть балаганная встрада для балалаечниковъ, гармонистовъ и арфьянокъ, освѣщенная по задней стѣнѣ керосиновыми лампочками съ ослѣпительными жестяными рефлекторами, желтоволосые полове, хозяинъ изъ мужиковъ съ толстыми волосами, съ медвѣжьими глазками — и какъ соединить все это съ тѣмъ, что тутъ то и дѣло выпивается за ночь на тысячу рублей Муму и Редереру! Все это, знаете, тоже Русь... Но не надожьль ли я вамъ?

— Помилуйте! — сказалъ я.

— Ну такъ позвольте кончить. Я все это клоню къ тому, въ какомъ похабномъ мѣстѣ вдругъ опять встрѣтилъ я ее со всей ея чистой, благородной прелестью и съ какими спутникомъ! Къ полночи трактиръ сталъ оживать и наполняться: зазгли под по-

томком огромную и страшно жаркую лампу, лампы по стѣнам, лампочки на стѣнѣ за помостомъ, вышелъ пѣлый полкъ половыхъ, повалила толпа гостей: конечно, купеческіе сынки, чиновники, подрядчики, пароходные капитаны, трушна актеровъ, гастролировавшихъ въ городѣ... Половые, развратно изгибаясь, забѣгали съ подносами, въ компаніяхъ за столами пошелъ галдежь, хохотъ, поплы табачный дымъ, на помостъ вышли и въ два ряда сѣли по ея бокамъ балалаечники въ оперно-крестьянскихъ рубахахъ, въ чистенькихъ онучахъ и новенькихъ лаптяхъ, за ними вышелъ и фронтомъ сталъ хоръ нарумяненныхъ и набѣленныхъ блядченоекъ, одинаково заложившихъ руки за спину и съ ничего не выражающими лицами, рѣзкими голосами подхватившихъ подъ зазвѣвшій балалайки жалостную, протяжную пѣсню про какого-то несчастнаго «воина», будто-бы вернувагоса изъ долгаго турецкаго плѣна: «Изво рад-ныи-и ни узнали-и, спроси-и-ли воин-а, кто ты...» Потомъ вышелъ съ огромной гармоней въ рукахъ какой-то «знаменитый Иванъ Грачевъ», сѣлъ на стулъ у самаго края помоста и тряхнулъ густыми, хамски разобранными на прямой рядъ бѣлобрысыми волосами: морда полотера, желтая косоворотка, расшитая по высокому вороту краснымъ шелкомъ, жгутъ краснаго пояса съ длинно висящими мохрами, новые сапоги съ лакированными голенищами... Тряхнулъ волосами, уложилъ на поднятое колѣно гармонию-трехрядку въ черныхъ съ золотомъ мѣхахъ, устремилъ оловянные глаза куда-то вверхъ, сдѣлалъ захватскій переборъ на ладахъ — и зарычалъ, заплѣлъ ими, ломая, извивая и растягивая мѣхъ толстой змѣей, перебирая по ладамъ съ удивительнѣйшими выкрутасами да все громче, рѣшительнѣе и разнообразнѣе, потомъ вскинулъ морду, закрылъ глаза и залился женскимъ голосомъ: «Я вечеръ въ лужкахъ гуляла, грусть хотѣла разогнать...» Вотъ въ ту-то самую минуту и увидалъ я ее и, конечно, не одну: какъ разъ въ это время всталъ, чтобы позвать полового и заплатить за пиво, да и такъ и ахнулъ: отворилась снаружи дверь за помостомъ и появилась она, въ какомъ-то картузикѣ пѣта хаки, въ непромокаемомъ пальто того же пѣта с поясомъ, — правда, хороша она была во всемъ этомъ удивительно,

похожа на высокаго мальчика! — а за нею, держа ее за локоть, нѣкто небольшого роста, въ поддевкѣ и въ дворянскомъ картузѣ, темноликій и уже морщинистый, съ черными безпокойными глазами... И, понимаете, я, что называется, свѣта Вожяго не взидѣлъ! Я узналъ въ немъ одного моего знакомаго, промотавшагося помѣщика, пьяницу, развратника, бывшаго гусарскаго поручика, выгнаннаго изъ полка, и, ничего не соображая, не думая, кинулся впередъ между столами такъ стремительно, что настигъ его и ее почти при входѣ, — Иванъ Грачевъ еще кричалъ: «Я цѣвочекъ тамъ искала, чтобы милому послать...» Когда я подбѣжалъ къ нимъ, онъ, взглянувъ на меня, успѣлъ весело крикнуть: «а, докторъ, здравствуйте», въ то время, какъ она поблѣднѣла до гробовой синевы, но я оттолкнулъ его и бѣшено зашепталъ ей: «Вы, въ этомъ кабакѣ! Въ полночь, съ развратнымъ пьяницей, шулеромъ, извѣстнымъ всему уѣзду и городу!» Я схватилъ ее за руку, грозя изувѣчить его, если она сію-же минуту не выйдетъ со мной вопъ отсюда. Онъ оцѣпенѣлъ — что-жъ онъ могъ, зналъ, что я могу вотъ этими руками подковы ломать! Она повернулась и, наклонивъ голову, пошла къ выходу. Я догналъ ее подъ первымъ фонаремъ на булыжной набережной, взялъ подъ руку — она не подняла головы, не освободила руки. За вторымъ фонаремъ, взявъ скамью, она остановилась и, уткнувшись въ меня, задрожала отъ слезъ. Я посадилъ ее на скамью, одной рукой держа ея мокрую отъ слезъ, милую, тонкую дѣвичью руку, другой обнимая за плечо. Она несвязно выговаривала: «Нѣтъ, неправда, онъ хорошій... он несчастный, но он добрый, великодушный, беззаботный...» Я молчалъ, — возражать было бесполезно. Потомъ кликнулъ проѣзжавшаго мимо извозчика. Она стихла и мы въ молчаніи подвѣлись въ городъ. На площади она тихо сказала: «Теперь пустите меня, я пойду пѣшкомъ, я не хочу, чтобы вы знали, гдѣ я живу» и, вдругъ поцѣловала мнѣ руку, соскочила и, не оглядываясь, неловко пошла вкось по площади... Больше я никогда не видѣлъ ее и такъ и не знаю до сихъ поръ, кто она, что она...

Когда мы расплатились, одѣлись внизу и вышли, докторъ дошелъ со мной до угла Поварской и мы приостановились, что-

бы проститься. Было пусто и тихо — до новаго оживленія къ полночи, до разбѣда изъ театровъ и ужиновъ въ городѣ и за городомъ. Небо было черно, чисто блестяи фонари подѣ молодой, нарядной зеленью на Пречистенскомъ бульварѣ, мягко пахло весеннимъ дождемъ, помочившимъ мостовья, пока мы сидѣли въ «Прагѣ».

— А знаете, — сказалъ докторъ, поглядѣвъ кругомъ, — я жалѣлъ потомъ, что, такъ сказать, спасъ ее. Были со мной и другіе случаи въ этомъ родѣ... А зачѣмъ, позвольте спросить, я вмѣшивался? Не все ли равно, чѣмъ и какъ счастливъ человѣкъ! Последствія? Да вѣдь все равно они всегда существуютъ: вѣдь ото всего остаются въ душѣ жестокіе слѣды, то есть воспоминанія, которыя особенно жестоки, мучительны, если вспоминается что-нибудь счастливое... Ну, до свиданія, очень радъ былъ встрѣтиться съ вами.

Я не могу забыть ее лицо, глаза, улыбку, губы, ее манеру говорить, ее манеру ходить, ее манеру сидеть, ее манеру стоять, ее манеру смеяться, ее манеру плакать, ее манеру любить, ее манеру ненавидеть.

И, понимаете, я, что называется, свита Божьего не жидыла! Я узнала в нем одного моего знакомого, примогазавшего помычка, пьяницу, развратника, бывшего гусарского поручика, выгнанного из полка, и, ничего не сооружав, не думая, кинулся вперед, между столами так стремительно, что настиг его и ее почти при входе, — Иванъ Грачевъ еще кричалъ: "Я что-то чекъ там искала, чтобы милому послать..." Когда я подбѣжала къ нимъ, онъ, взглянувъ на меня, успѣлъ весело крикнуть: "а, докторъ, здравствуйте", в то время, какъ она поблѣднѣла до гробовой синевы, но я оттолкнула его и бѣшено зашептала ей: "Вы, въ этомъ кабана! Вполночь, въ развратный нѣзднишій, шудеромъ, на-звостнымъ всему узелу и городу ~~Иванъ~~ повернулась и, наклонивъ голову, пошла къ выходу. Я догнала ее подъ первымъ фонаремъ на бульварной набережной, взяла подъ руку — она не видѣла головы, не освободила руку за вторымъ фонаремъ, всталъ снѣгомъ, она остановилась и, уткнувшись въ меня, задрожала отъ слезъ. Я посадилъ ее на снѣгъ, одною рукою держа ей мокрую отъ слезъ милую, тонкую дѣвичью руку, другою обнимая за плечо. Она невольна выговаривала: "Нѣтъ, неправда, неправда, онъ хороший... онъ несчастный, но онъ добрый, великодушный, беззаботный..." Я молчала, — возражать было бесполезно. Потомъ кликнувъ прорывавшаго мимо извозчика, она стихла и мнѣ молчаніемъ поняла въ городъ. На площади она тихо сказала: "Теперь простите меня, я дойду пешкомъ, я не хочу, чтобы вы знали, гдѣ я живу" и, вдругъ пошловѣвъ мнѣ руку, соскочила и, не оглядываясь, неловко пошла вносъ на площадь... Больше я никогда не видѣла ее в такъ я не знаю до сихъ поръ, кто она, что она...

Когда мы расслажились, одѣвшись вшау и вышли, докторъ дошел со мной до угла Локсарской и мы приостановились, чтобы проститься. Было пусто и тихо — до новаго оживленія къ полночи, до разъѣзда изъ театровъ и ужиновъ ~~и прочего~~ въ городъ и за городомъ. Небо было черно, чистого блестящаго фонари подъ молодой, чарящей зашенью на Пречистенскомъ бульварѣ, мягко пахну мисеннымъ дождемъ, помощникомъ моговыя, по —

Художественное оформление
М. ДОБУЖИНСКАГО